

как чудо о слепоте и прозрении Владимира, кстаги, в «Степенной книге» наиболее пространно изложенное в сравнении с древними житиями.¹⁰

Видимо, и вторая часть росписей лоджии — Страшный суд — связана здесь с раскрытием главной темы — крещением Руси. Летописи, включая «Степенную книгу», подчеркивают, что будто бы в рассказе греческого философа о вере наибольшее впечатление на Владимира произвело упоминание о Страшном суде. Легенда передает даже внутреннее состояние князя, пораженного как рассказом, так и изображением второго пришествия, которое привез с собой философ («вздохнув рече», «положи на сердце своем, рек»).¹¹ И в своем слове к боярам и старцам градским Владимир обращает их внимание на самое главное, что он увидел в греческой вере: «суть же хитро сказующе» греки о страшном суде и жизни вечной.¹² Все это еще более определенно явствует из текста «Степенной книги». Если в Повести временных лет и остальных летописях, вплоть до Никоновской, говорится, что Владимир, несмотря на показанное ему видение Страшного суда, все же ответил философу: «„Пожду и еще мало“, хотя испытати о всех верах»,¹³ то авторы «Степенной книги» лишили Владимира каких-либо колебаний в отношении выбора нового вероисповедания. В «Степенной книге» нет слов «пожду еще мало», т. е. рассказ об испытании вер как бы смягчен. Владимиру не нужно себя проверять; он сразу после встречи с философом «разжигашеся и неотложным желанием сердце свое и ум простираше» к новой вере, и еще до крещения «бог избра себе сосуда благопотребна, яко же Моисея и Иисуса, тако и его великодержавного Владимира». ¹⁴ Что касается испытания веры, то оно нужно не ему, а «премудрым мужам», дабы «тако всеи купно душевно просветятся благочестием». ¹⁵ Изображение истории крещения Руси в лоджии Архангельского собора объединено в одной большой композиции со сценами Страшного суда: здесь и единое деление всех картин на пояса (особенно это четко исполнено в правой части росписей), и подчинение отдельных частей единому ритму общего построения. Особенно убеждает в этом построение картины с изображением рассказа греческого философа о вере. В центре композиции окруженный людьми князь Владимир. Он посажен на высокий трон с легким поворотом налево (от зрителя). Греческий философ, ведущий рассказ о вере (справа от князя), отвернулся от Владимира и показывает на развернутый свиток, непосредственно за которым на соседней стене начинается широко развернутая картина Страшного суда. Желая показать реакцию князя, художник развернул его корпус и плечи в сторону философа и картины второго пришествия. Поворот его головы в сторону Страшного суда и жесты рук — все показывает, что внимание князя сосредоточено на предмете рассказа святого философа. Его жест вторит жесту философа. При этом, сидя на высоком троне и возвышаясь над окружающими, Владимир полон спокойного величия и достоинства. Таким образом, в росписях лоджии все подчинено раскрытию одной темы — крещению Руси князем Владимиром.

¹⁰ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 95, 97.

¹¹ Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 74.

¹² Там же.

¹³ Там же; а также см.: Софийский временник, ч. 1. М., 1820, стр. 76; ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, стр. 52; т. XX, ч. 1, СПб., 1910, стр. 76; т. XXV, М.—Л., 1949, стр. 361; т. XXVI, М.—Л., 1959, стр. 28.

¹⁴ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 48.

¹⁵ Там же, стр. 88.